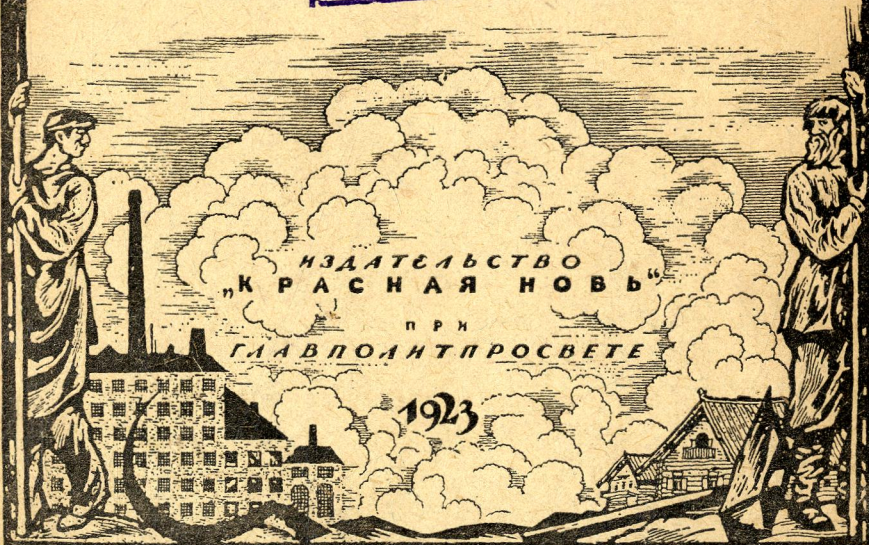

06 10
57
85 977

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

ПЯТЬ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ

Львів. Бібліотека
АН, УРСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"КРАСНАЯ НОВЬ"
ПРИ
ГЛАВПОЛНПРОСВЕТЕ

1923

~~Сборник~~
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

5784
67786
ПЯТЬ ЛЕТ
РЕВОЛЮЦИИ.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ — МОСКВА, 1923 г.

ТИПОГРАФИЯ

Моск. Губ. Союза РЛБ.-Кр.

ПОТРЕБ. ОБЩЕСТВ.

МОСКВА, КРАСНЫЕ ВОРОТА,

МЯСНИЦКИЙ ПР., 21

ТЕЛЕФОН 1-54-45.

Дать общую картину этих бесконечно трудных и героических пяти лет — задача не легкая. Как только память начинает работать в этом направлении, тотчас же со всех сторон бурно поднимаются воспоминания лично пережитого за этот период; рядом с грандиозными фактами величавой эпопеи огромное количество подробностей, различные нити политико-военные, дипломатические, экономические, культурные переплетаются между собою в густую сеть, и жизнь опять протекает перед глазами, как говорит Пушкинский Пимен «волнуясь и спеша», почти в такой же хаотической пестроте, в какой доходила она до сознания в момент самих событий.

Приходится все время суровой рукой сдерживать эту расцветающую чашу памяти и вправлять ее в русло какой-нибудь системы, в какие-нибудь рамки.

Мне кажется, что для того, чтобы написать небольшую статью, дающую общую перспективу этих пяти лет, нужно очень значительное время спокойной работы, чтобы не нарушались пропорции отражения, которое собираешься дать этому преизбытку жизни. Но у нас нет еще времени для такой спокойной работы, и я заранее прошу читателя извинить, если моя картина местами будет зиять теми или другими пробелами, местами не пропорционально выдвигать ту или другую частность. Кроме того, конечно, я предупреждаю также, что задачей этой статьи является именно нечто вроде картины событий, а отнюдь не отчет, который предполагал бы прежде всего и во многих местах ряды цифр. Цифр я буду совершенно избегать даже в тех случаях, в которых я ими располагаю.

Львов. Библиотека
АН. УРСР

Когда в октябре, заранее предупредив врага, в неудержимом росте, пролетарское движение, наконец, сломало уже пошатнувшиеся препоны керенщины и власть

перешла в руки рабочих,—всем было ясно, что это событие принесет миру не мир, а меч.

Конечно, главным лозунгом нашего движения был именно мир, т.-е. конец империалистической войны или, как минимальная задача—выход из этой подлой бойни освобожденной от буржуазного ига России. Это даже привлекло к нам симпатии наивных толстовцев, которые потом с ужасом упрекали нас в том, что нам не удалось остановить мировой бойни. Коммунисты же прекрасно знали, что здесь имеется только радикальное перемещение фронта. Ответить на мировую бойню, в которой угнетенные рабы капитала режут друг друга, организовать грандиозный фронт этих рабов против эксплуататоров—вот в чем состояла единственная возможность для радикального окончания международных войн буржуазного типа и действительного вступления на путь реализации великих идеалов пролетариата.

После империалистической войны в военном отношении мы были бесконечно слабы. Нам самим пришлось энергично содействовать разложению старой армии. Вместе с этим мы, конечно, подрывали силы России, как таковой, т.-е. и военные силы красной России, Советской России, когда она, наконец, родилась. У нас не было почти никакого аппарата обороны. Переговоры в Бресте, Брестский мир были гениальными шагами в целях заменить одно оружие войны—прямую силу—другим, дипломатией. В наше время положение Клаузевица о том, что война, в сущности, есть продолжение политики в другой форме, приходится перефразировать, в виду того, что мы слишком привыкли именно к этой форме политики. Приходится скорее сказать так: «Дипломатия есть в сущности война в несколько другой форме». Бедные физически оружием коммунисты сумели как ни как отговориться от лавины германского нашествия и фактически оказались победителями германского империализма.

Но, разумеется, настоящей задачей, вставшей перед правительством, была организация обороны. Создание Красной Армии—это было неотложной задачей. На нее брошены были все партийные силы и здесь совершены были те чудеса, которые, упрочив существование красной России, дают в то же самое время залог, что великая партия, разрешившая эту необычайной трудности проблему,

найдет силы для победы и на других фронтах, выдвинувшихся на первый план после окончания гражданской войны.

Против нас был целый мир врагов. Конечно, симпатии к нам пролетариата, существовавшие несмотря на бешеную клеветническую кампанию, в значительной степени удержали Антанту от переброски серьезных сил непосредственно в Россию. Тем не менее, заграничная буржуазия тратила бешеные деньги на поддержку наших внутренних фронтов, посылая снаряжение, опытных офицеров и т. д. Начались окраинные движения реакционеров, опиравшихся на зажиточное, индивидуалистически настроенное крестьянство юга, особенно на казаков, на сибирское крепкое и, к тому времени, достаточно реакционное крестьянство. Началось систематическое давление международных разбойников на наш север и постоянные угрозы нашей границе с запада, со стороны Финляндии, Польши, Румынии, разразившееся на некоторое время свирепой войной между русской и польской республиками.

Почти все время вокруг нас был фронт в восемь тысяч верст, при этом враги наши, находившиеся по ту сторону фронта, иногда сближавшегося жутким кольцом вокруг Москвы, имели тысячи друзей у нас в тылу и, что страшней всего, тысячи друзей в нашей собственной армии. Военных специалистов в рядах коммунистической партии было чрезвычайно мало. Измученное крестьянство, а в значительной мере и рабочая масса, не желали никакой войны, не понимали или плохо понимали новые военные задачи, дезертировали, стремились успокоиться. Кадровое офицерство, которым пользовался царизм, было почти сплошь проникнуто контр-революционными тенденциями. Даже офицеров этого типа, сочувствующих вообще республике или демократии, можно было по пальцам перечесть. Республикански же настроенная масса прапорщиков и юнкеров, как известно, была особенно большим врагом большевиков, ибо как раз симпатичный для них режим непосредственно пал под ударами коммунистической партии и пролетариата. И тем не менее надо было набрать миллионы солдат из этой так охотно дезертировавшей крестьянской массы; и тем не менее надо было набрать десятки тысяч офицеров из этой специально военной и интеллигентской среды. Казалось бы, должна была родиться армия рыхлая, лишенная энтузиазма, проданная и предан-

ная изменническим по отношению к целям республики офицерством, и на деле часто нашим критикам казалось, что так это и есть.

Какие же силы помогли коммунистической партии спаять эту рыхлую массу дезертировавших на каждом шагу крестьянских ребят? Какой силой смогла она принудить офицерство работать на себя и создать, наконец, ту внушительную военную силу, которая умела не только побеждать, но и оправляться после поражений и давать блистательный реванш?

Этой силой была неисчерпаемая сокровищница пролетарской энергии и организационного гения, поток рабочей воли при условии правильного направления этого потока партийными центрами, в согласии с принципами подлинной общественной науки и вытекавшей из нее адекватной событиям тактики, словом, в согласии с принципами и указаниями марксизма. В центре государства, как огонь на общем алтаре, ярко сияло то, что является плодом опыта всего пролетариата, суммированного величайшим общественным гением истории человечества. Внутри сознание русского пролетариата было освещено революционным марксизмом.

И не щадя своих сил, никогда не отказывая, партийные организации и профессиональные союзы мобилизовали вновь и вновь этих питерских, московских, иваново-вознесенских орлов, которые, бросая свои станки, отправлялись в качестве рядовых, солдат, в качестве политикопросветительных комиссаров, надзирающих за офицерами, во все части этого необъятного фронта, каждый раз вливая туда свою энергию, свою железную организующую волю, спаивая, поднимая, улучшая положение и свою кровью расплачиваясь за все недостатки слишком молодого еще аппарата.

С изумленным благоговением остановится когда-либо история пред типом революционного военного комиссара, созданным русской революцией. Подвиги синей армии времен французской революции оставлены далеко позади подвигами Красной Армии русской. Были места на фронте, где стать комиссаром — значило умереть через несколько дней. Там обязанность комиссара заключалась именно в том, чтобы умереть, именно в том, чтобы идти впереди своих людей в безнадежной в данный момент, но стратегически необходимой атаке. Ко-

миссары менялись по неделям, по дням, и всегда на место одного богатыря находился другой, бестрепетно шедший в огонь и несший свою молодую пролетарскую душу в жертву огромному общепролетарскому подвигу.

И вот пролетариат, руководимый коммунистической партией, перемолол твердое крестьянское зерно, снял с него шелуху индивидуализма, пассивности. Красная Армия стала загораться повсюду огнями подлинного энтузиазма. Дух кадрового офицерства был сломлен. Одних принудили страхом быть честными, ибо бдительный надзор и строгие меры парализовали их дурную волю. Другие постепенно увлеклись энтузиазмом своих товарищей коммунистов, и многие из них, заразившись их огненным порывом, становились не только абсолютно верными соратниками, но часто жертвами и героями этой войны, часто, наконец, вступали прямо в ряды коммунистов.

Сама партия и трудовые слои, к ней примыкавшие, выдвинули из своей среды новые военные силы, вплоть до высоко талантливых полководцев, а лихорадочно работавшие рядом с заводами, делавшими оружие, военные школы, создавали новый командный состав, который часто приходилось бесжалостно посылать на смерть, который еще в своем положении красных юнкеров был зачастую доблестнейшей частью армии и который теперь скрепил и окончательно сделал ее едва ли не самым грозным военным аппаратом, существующим в мире; ибо недочеты мертвой техники искупаются здесь глубокой сознательностью составляющих армию лиц.

Как о чуде только можно говорить о почти внезапном создании конницы, когда на налеты Мамонтовых и Шкуро, на вооруженные налеты, появлявшиеся у нас в далеком тылу и грозившие когда-нибудь шквалом налететь на самый Кремль, мы ответили молодой конницей, которая как метлой помела назад эти хваленые рейды. Сколько иронии мы иногда слышали. После призыва Троцкого: «Пролетарий, на коня», один меньшевик острил, что мы хотим противопоставить лихому мамонтовскому казаку ткача, посаженного на крестьянскую клячу. Ткач, посаженный на крестьянскую клячу, оказался потом непобедимым буденновцем.

Еще написана когда-нибудь будет блестящая история политической и просветительной работы в армии. В этом

постоянном огне наша босая и голодная армия училась и общей и политической грамоте, и в самом ближайшем тылу и зачастую под самым почти огнем на фронте работали культпросветы, просвещая, развлекаая, поднимая настроение.

Мне не зачем здесь перечислять военных фронтов. Они известны всякому грамотному человеку в Европе: донские натиски реакции, чехо-словацкая авантюра, потрясшая Поволжье и Сибирь; колчаковская черная волна, докатившаяся до Волги; деникинщина, которая пробиралась к Туле и Москве в то самое время, как Юденич стучался в ворота Петрограда; Польша и врангелевская черная сотня, впившаяся клещами в тело России; северный фронт. Все это прошло теперь, и всюду Красная Армия оказалась победительницей, нигде, даже на польском фронте, не уступив с оружием в руках больше того, что само правительство предлагало мирно.

Да, наша дипломатия была той же гражданской войной, только ведомой другим оружием. Как и работа Российской Коммунистической Партии в Коминтерне по организации международного фронта обороны от реакции и наступления революции, работа среди пролетариев Запада и народов Востока, так и тонкая, осторожная, чреватая бесчисленными опасностями игра с еще господствующим капитализмом являются настоящим продолжением фронта. Как солнечный спектр за пределами разноцветного света имеет темные для глаза ультра-фиолетовые или ультра-красные лучи, полные теми же вибрациями, так точно по правую и левую сторону гремящих пушками и облитых кровью фронтов вибрирует революционная энергия в иных формах.

Свалить мировой капитализм—это окончательная цель. Но если не хватит сил, чтобы свалить его немедленно, что тогда? Тогда нужно не позволить ему свалить нас, не позволить ему загасить тот очаг революционного пламени, который еще не смог разрастись в мировой пожар, но который остается постоянным его залогом. Мы не оказались в силах низвергнуть мировой капитал. Мировой капитал оказался не в силах низвергнуть Советское правительство в России. Две непримиримые силы, из которых одна непременно похоронит другую и притом именно мы их, должны жить в известном соседстве: и капиталу казалось

легким делом, не прибегая к вооруженному давлению, но окружив Россию колючей проволокой блокады, предоставить ее результатам ее страшного истощения, внутренним раздорам, неопытности и ошибкам молодой власти, поддерживаемой классом, волею самой буржуазии невежественным, — выждать пока все это рухнет, пока можно, одев на свои когтистые лапы показную перчатку какого-нибудь великокняжеского аппетита, или генеральско-милюковской декоративности, на самом деле разорвать Россию на вкусные колонии для отощавшего от бойни капитализма.

Но те силы разложения, на которые рассчитывал капитал, оказались меньшими, чем силы марксистской сознательности и безграничной энергии победившего в России пролетариата. Россия оказалась жизнеспособнее, и создавалась новая ситуация. Для упрочения же этой способности, для ускорения процесса оздоровления России и нам, конечно, необходима была помощь извне, помощь, которую не могла еще протянуть братская рука пролетария, которую надо было вырывать из рук врага — капитала. На эту помощь нельзя было рассчитывать из великодушия, ибо всякие слова о восстановлении Европы, о мире и гуманности принимались и принимаются нами только с насмешкой, и мы знаем, что дела никогда не соответствуют этим словам.

Но мало того, нельзя было рассчитывать на услуги капитала путем простого товарообмена, путем предоставления Россией этому капиталу какого-нибудь эквивалента. Мы могли получить от капитала необходимую нам помощь для восстановления нашего транспорта, нашей промышленности, для серьезного продолжения начатой нами грандиозной работы по электрификации страны только в виде займа. А между тем капитал считал нас тяжким должником по отношению к себе.

При поверхностном взгляде положение кажется безнадежным. Оно и оказалось гораздо более трудным, чем предполагали некоторые оптимисты. Но у оптимистов были свои основания. Как ни как, капитал заинтересован в восстановлении России; как ни как, совсем без России он не может спастись по собственному своему признанию, и раз Россию нельзя вымыть добела, приходится сноситься с ней как с красной. А между тем внутренние раздоры

этого принципиально кипящего взаимной враждой мира, мира буржуазного не могли не привести к тому, что Россия, эта огромная отколовшаяся от буржуазного мира страна, вновь окрепшая в военном отношении, становилась весьма заметным элементом международного расчета и может стать решающим элементом в расприх отдельных буржуазных лагерей.

Испытавший тяжкие потрясения капитал, в особенности, поскольку интересы его представлены промышленниками и торговцами, а не банкирами и толпящимися за ними стадами держателей процентных бумаг внешних займов, желал бы по крайней мере на некоторое время мира, хотел бы оправиться, зализать раны его преступлениями нанесенные человечеству. Это толкало иные стороны на заигрывания, на попытки торговых договоров. Это диктовало политику Ллойд-Джорджа.

Но вместе с тем всякое соглашение с Россией, явным образом, выгодное большевистскому правительству, — а ведь ни на какое другое большевистское правительство не шло и никогда не пойдет, — звучало таким парадоксом в ушах реакционной буржуазии, что всегда в решающий момент закипала внутренняя борьба, и рука умных представителей торгово-промышленного капитала, уже протягивавшаяся было для подписания какого-нибудь договора, исчезала, отдернутая назад рукой реакционной буржуазии, землевладельческой, банкирской и т. п.

Этот своеобразный внутренний фронт буржуазии причудливо проходит между отдельными странами, но отражается с огромной силой и внутри отдельных стран. создает там на первый взгляд нелепые положения, при которых растущая и крепнущая после войны французская промышленность начинает, пожалуй, с еще большей силой потрясать каменную стену своих банкиров, чем собраты пуанкаристов в Англии потрясают ллойд-джорджевский фасад. Мы одержали за эти пять лет в области дипломатии огромные победы, несмотря на то, что не добились никаких реальных результатов. Мы не только углубили раскол среди буржуазии, не только сделали русскую проблему самой настоящей, но мы, без всякого сомнения, заставили даже прямых наших врагов, буржуазию, уважать нас а тем более огромные массы мелкой буржуазии, все более страдающей при нынешнем режиме, все

более колеблющейся, от которой значительные отряды начинают отходить влево.

Я не считаю необходимым останавливаться в этой статье на работе русской революции в области рабочего Интернационала. И тут ведь имели место и фронты, облитые кровью, и сложная дипломатия. И тут мы колебались между прямыми сражениями на улицах, на которых коммунисты и умеренные социалисты схватывались грудью с грудью, и переговорами о едином рабочем фронте, вроде берлинских. Но, повторяю, это особая необычайно интересная глава, к которой надо было присоединить также и усилия русской дипломатии, и РКП, как члена Коминтерна, по организации сил в общей для пролетариата и колониальных народов борьбе с эксплуатирующим и тех и других капиталом.

И все время рядом с этой обороной оружием и словом шла также и внутренняя оборона, оборона против крамолы, которая заставляла почву содрогаться под нашими ногами. Буржуазные и мелко-буржуазные кроты реакции, начиная от генералов и адмиралов и кончая левыми эсерами и анархистами, рылись у нас под ногами. Мы были окружены тучей врагов. Здесь абсолютно неизбежна была политика террора. Мы хотели избежать ее. Мы предлагали после бесспорной победы Великого Октября неизвергнутым слоям общества примириться со своей участью, войти в рамки нового строя, который вовсе не хотел, как я скажу ниже, искусственного и немедленного введения коммунизма, а рисовал себе переходный период, в сущности приемлемый для разбитых носителей привилегий. Но они не считали себя разбитыми. Они хотели продолжать войну с нами, они хотели Республику, окруженную опасностями, подстеречь изнутри. Они непрестанно точили один нож за другим для спины пролетария, обернувшегося лицом к внешнему фронту. И тогда террор разразился, террор временно принявший массовый характер, вовлекший в свою очистительную работу самые пролетарские массы, а иногда вновь входивший в канал государственного функционирования мощного полицейского аппарата, созданного коммунистами. Мы прекрасно знаем, сколько обвинений сыплется на Ч. К. Мы не отрицаем правдивых страниц об отдельных эксцессах, записанных нашими врагами, а иногда и благородной рукой какого-нибудь великодушного, но и слабодушного

свидетеля, вроде того же Короленко. О, тут есть чему ужасаться! Многие ужасались при этой форме борьбы лицемерно, ибо сами во сто раз более жестоко, ибо сами прямо остервенело терзали бы революцию, если бы она попала под их удары. Но есть и такие прекраснодушные Дон-Кихоты, которые каждый раз стенают над повергнутыми и каждый раз ужасаются мероприятиями победителя, единственными, однако, которыми он может закрепить свою победу. Они не принимали во внимание ни того, что по существу коммунистическое правительство было слабейшим в мировой борьбе, ни того, что боролось оно за самое священное знамя, какое когда-либо держала рука человеческая. Они заслонили перед собой все это образом правительства, при помощи террора расправляющегося с «гражданами». Для них это была не необходимая жестокая борьба революционного палладина с клубящимися под его ногами чудовищами, а расправа власти с проявлением общественности.

Мы можем только горделиво отбросить и лицемерные ужасания и либеральные стенания, и беря на себя (это сделает каждый коммунист) всю ответственность целиком и за те нелепости и преступления, которые могли попасть и попадали, конечно, в общий поток этой борьбы, мы с горделивостью оглядываемся на нашу работу, произведенную специально руками самоотверженных товарищей, боровшихся в рядах Чрезвычайной Комиссии. Мы не боимся сказать, что мы гордимся тем, что сломали рога реакционерам всех рангов, что разрушили и запугали силы, которым, казалось, так легко было развернуться перед нами в бездну и поглотить нас. Книга Троцкого о терроризме останется навеки памятником того благородства, того революционного рыцарства, которое жаждет не чистых одежд, не венчика праведности, не похвалы сентиментальных сердец, а сознания бестрепетного проведения в жизнь всеми мерами, ни перед чем не останавливаясь, таких начал, которые являются единственно спасающими человечество от ада его прошлого и настоящего.

Я перехожу теперь к экономической политике, как она развивалась за эти пять лет, незабвенных не только для России, но для человечества лет.

Как марксисты, коммунисты прекрасно сознавали всю нелепость романтического максимализма. Когда нас назы-

вали максималистами, то это было детским недоразумением. Действительно, наши меньшевистские кузены полагали, что мы представляем из себя ту разновидность марксизма, который головой бьется в стену, хочет в брод перейти моря, перепрыгнуть пропасти и в 24 часа осуществить рай на земле. Они огорчались прямо до слез (один меньшевик расплакался на моем докладе о введении продналога, заявляя, что для него нестерпим факт якобы усвоения нами, большевиками, их меньшевистских лозунгов), когда видели, что мы представляем собой не романтиков, а чрезвычайно осторожных и осмотрительных политиков, самых подлинных реалистов. Для меньшевиков реализм во все существование их был всегда тем, что Ленин называл метким словом «хвостизм». Никакого творчества, никакого революционного усилия, никакого стремления опередить события по линии их движения. Это какие-то учитыватели того, что уже совершилось экономически, бухгалтерии истории. К этому осуждены были те марксисты, которые по духу своему являлись мелкими буржуа. Пролетарский же марксизм тем и отличается от всех форм мелко-буржуазной романтики и мелко-буржуазного псевдо-реализма, что он полон революционной энергией, постоянно динамичен, рвется вперед, является силою среди сил и при том самой острой и творческой силой, и в то же самое время всегда живет и развивается в атмосфере учета действительности, движется и движет в направлении общественных сил, делая их своими союзниками.

Как марксисты, реалисты-коммунисты отнюдь не представляли себе немедленного превращения России в коммунистическую страну. Россия — одна из самых расслоенных экономически стран в мире. Тысячу раз прав был Ленин, когда указывал на то, что у нее есть и вершина американизированной крупной промышленности, развивавшейся до войны семи-милыми шагами, создавшей внутри русского капитализма необыкновенно благоприятную пропорцию между крупной промышленностью, средней и мелкой, и длинный толстый хвост, теряющийся во мраке патриархального и первобытно родового быта. И при этом нужно помнить, что самое большое утолщение этого громадного общественного тела падает на долю среднего крестьянства. План наш в плоскости международной диктовал нам создание красного пролетарского правительства, как двига-

теля и элемента всемирной революции. План наш в плоскости внутри российской политики в общем напоминал то, что Каутский писал в своей работе «На другой день после социальной революции».

Мы предполагали овладеть командующими высотами крупной промышленности, поставить крупный и мелкий капитал под контроль пролетарской власти и дать ему возможность ускоренно развиваться в созданной революцией атмосфере, постепенно заменяя его разрастающимся государственным аппаратом, включая его в систему коммунистического хозяйства. Индивидуалистическое крестьянство являлось бы главной массой, остающейся за пределами социалистической экономики, и ни малейшим образом мы не посягали на искусственный или насильственный перевод крестьянства к уровню коммунистического хозяйства. Большевики ставили себе целью установление доброго соседства с крестьянством на почве защиты его интересов от помещика, на почве всякой помощи ему в смысле общей и земледельческой культуры, на почве, наконец, более или менее правильного товарообмена. В более отдаленной перспективе рисовалось создание пролетарской городской индустрии для крестьянства той базы тракторных хозяйств и электрификации, которая должна была позволить крестьянству реально, сознательно и социологически закономерно перейти к широчайшим производственным кооперациям и приблизиться, таким образом, к конечному идеалу городского и сельского коммунизма.

Если мы и по отношению к средней и мелкой промышленности, и по отношению к крестьянскому индивидуальному хозяйству отнюдь не провели в 1918, 19 и 20 г.г. этого плана, если и там и здесь мы как будто бы перешли к рьяному, потерявшему темп коммунизму, — то ведь это только кажется. Вдумчивые коммунисты никогда не предполагали, что этот военный коммунизм, равным образом разрушая индустрию и земледелие, есть действительный коммунистический успех и что продвижение этого военного-государственного и социального коммунизма есть реальное продвижение по направлению к нашему идеалу.

Нет, это было движение по окольной дороге, это было движение в сторону, вызывавшееся не только и даже не столько нашими принципами и целями, как коммунистов, сколько военными обстоятельствами. Тут рядом

и больше, чем какие-нибудь увлечения и торопливость, действуют те силы, которые заставили и Англию, и Францию, и в особенности Германию в течение войны нарушать все божеские и человеческие законы буржуазного индивидуализма и фридрихерства и переходить к мероприятиям чрезвычайно близким к государственному социализму. Все понимали, что разверстка с ее забира-нием хлеба, где его найдешь, с ее истощением крестьянства мало плодородных местностей, расположенных, однако, ближе к фронтам и индустриальным центрам, что делалось в результате плохого транспорта, с ее отрицанием всякой торговли продуктами крестьянского труда, что ставило нас перед лицом парадоксальной нелепости частного хозяйства в смысле производства без необходимости при этом атмосферы рынка, разверстка с ее политическими последствиями: глубочайшим недовольством крестьян, толкавшим среднее крестьянство в объятия кулака, попа и эсера—достойной троицы, работавшей вкупе и влюбле на этой почве, с произошедшими на этой почве крестьянскими восстаниями, обнявшими своим пожаром весь юг, родившими кровавую антоновщину и, наконец, потрясшими Кронштадт,— что эта разверстка является политикой, чреватой огромными опасностями, но не все понимали также, что военная необходимость вынуждает идти этим путем. Только этим путем можно было вырвать у крестьянства, не сознававшего интересов своих и детей своих во всем объеме и широте, те сотни миллионов пудов хлеба, без которых парализованы оказались бы транспорт, разбежалась бы армия, и города с их заводами превратились в развалины. Только ценою нашей беспощадной продовольственной политики спасена была республика.

И был момент, когда фронты стали угасать, когда власть упрочнялась, в этот момент до правительства дошло и крестьянское недовольство, выросшее в Кронштадт, но уже можно было повернуть руль, уже можно было перейти если не к идеальному пути эквивалентного товарообмена с крестьянством, то к среднему пути нынешнего продналога. И тотчас же бушующие волны крестьянского недовольства стали успокаиваться и, несмотря на ужасные бедствия голода, результаты которого еще долго будут мучить нас и борьба с которым была так тяжела,— крестьянское хозяйство в общем начало оправляться. 70 про-

центов до-военной продукции—вот приблизительный результат весьма на самом деле посредственного урожая этого года. И коммунистическая партия начинает поговаривать уже о том, что, пожалуй, быстрое и отрадное оздоровление крестьянского хозяйства в России чревато новыми опасностями, постольку, поскольку ему не соответствует столь же быстрое оздоровление нашей индустрии.

Само собою разумеется, уже продналог, уже допущение торговли сельскими продуктами являлось прорывом того государственного запрета на частную торговлю, в атмосфере которого жила красная Россия до сих пор. Но новая экономическая политика стала возможной не поэтому и диктовалась обстоятельствами совсем другого рода. Мы вынуждены были идти в направлении безудержной национализации средней и мелкой промышленности, которую мы не могли, конечно, ни государственно упорядочить, ни питать сырьем, топливом и т. д., которая висела на нас, как жернов на шее. Мы вынуждены были идти этим путем потому, что фактически это была политика конфискации у буржуазии тех средств, которые она в свою очередь беспощадно и неуклонно обращала в оружие против нас. Массовая национализация, уничтожение средней и мелкой промышленности, уничтожение торговли, подавление всякой индивидуальной экономической инициативы—все это были военные акты, все это были те меры, при помощи которых буржуазия, наконец, была брошена наземь и вынуждена была признать себя побежденной. Только после этого можно было вернуться к правильному марксистскому методу экономической политики и вновь воссоздать в форме аренд атмосферу товаропроизводства и товародвижения, создаваемую частной инициативой вокруг основного блока государственной промышленности и государственной торговли. Это и есть наша новая экономическая политика.

Новая экономическая политика есть возвращение на тот реальный путь, каким может идти коммунистическое строительство повсюду, а в особенности в такой стране, как Россия. Конечно, эта новая экономическая политика чревата страшными опасностями. Мы расковыряем дух мещанства, загнанный нами в бутылку, как в арабской сказке, и этот дух уже сейчас вырастает в гиганта и, против своей воли служа нам и повинуюсь нашим прика-

заниям, в то же самое время творит множество гадостей, совершенно невяжущихся с нашей программой, и мечтает о том, чтобы сделаться вновь хозяином заклявшего его чародея. Но сравнительно на еще небольшом острове честного частного производства кипит зловонное озеро спекуляции и над ним поднимаются удушливые пары мещанского духа.

Новая экономическая политика не означает, однако, новой политики. В плоскости власти не будет сделано ни малейших уступок этому раскованному мещанину. Он может работать как арендатор и контр-агент, он может получать значительные барыши, но он всегда останется бесправным гражданином второго сорта и не будет допущен к советским избирательным урнам, а тем более к рулю русского государственного корабля. Также точно и в области идеологии дан будет ему самый энергичный отпор, ибо поистине уже начинается в нормальных условиях, сверху от коммунизма и снизу от буржуазии, последний бой в России за экономику страны, за общественное мнение не только трудовых, но и средних элементов, за настроения и идеалы подростящего поколения. И здесь время перейти к суммарному освещению культурных задач и культурной работе.

Советская власть отдавала себе полный отчет в том, что только истинная демократия, только действительная власть трудовых народных масс, которая устанавливалась советским режимом, найдет свое полное выражение лишь при условии достаточного уровня народного образования. При этом надо было обратить внимание на две плоскости задач.

Прежде всего пролетарий не может стать хозяином страны в смысле хорошего хозяина, умеющего в ней хозяйствовать, и останется в лучшем случае хозяином лишь в смысле владельца, если он не выдвинет из своей среды значительного слоя специалистов по всем областям огромного государственного дела, если он не воспримет у старой культуры всех тех точных знаний и технических навыков, которыми обладала отчасти сама буржуазия, отчасти группа наемных интеллигентов.

Конечно, пролетариат имел возможность частью силой, частью наймом в свою очередь привлечь на службу широкие круги специалистов. Но надо прямо сказать, что

чужой пролетариату спец лишь в отдельных единицах с полной добросовестностью выполняющий его задания при всех наших стараниях, при всем улучшении отношений между Советской властью и ими, тем не менее не является фигурой, удовлетворительно разрешающей вопросы о фактическом и практическом положении хозяйствования для пролетария. И прав Н. И. Бухарин, заявивший во время процесса эсеров, что от быстроты формирования и от квалификации этого слоя, наивысшего слоя пролетариата, зависит, в конце концов, судьба революции, по крайней мере если брать ее в изолированном виде в рамках русской проблемы.

Рядом с этим разворачивается другая плоскость задач. Русский народ в массе темен и невежественен не своей виной, а виной прежнего правительства. Необходимо ликвидировать его прошлую неграмотность, озаботиться о том, чтобы новое поколение проходило через сколько-нибудь удовлетворительную школу, и последнее является отнюдь не маловажным, — чтобы эта грамотность элементарная и техническая, а также последующие ступени образования, делаясь все более и более доступными, в то же самое время были пронизаны элементами коммунистического самосознания.

Общее и политическое просвещение народных масс — задача грандиознейшая и в своем внешкольном порядке, т. е. в работе среди взрослых, и в порядке работы над подрастающими поколениями.

С самого начала Советская власть взялась за эти задачи с огромным энтузиазмом. Плодились и множились университеты и политехникумы для рабочих. Более 600 курсов для повышения уровня труда усеяли Россию. Создавались рабфаки, т. е. особые подготовительные школы, дававшие прямой доступ пролетариям в университеты, и перешли за цифру в 40 тысяч такого рода студентов.

Но уже до введения НЭП'а было заметно, что в стране не хватает ни научных сил для такой широкой постановки дела, ни в особенности материальных ресурсов. Оборудование, ремонт, отопление даже самых старых университетов, равно как сколько-нибудь удовлетворительная оплата работников оказались непосильными государству. Положение студенчества и в самих университетах и на рабфаках было очень тяжелым. Новая экономическая

политика, став вся под лучи совершенно ясного и объективного учета, в особенности подчеркнула чрезмерный размах нашей работы в области профессионально-технического просвещения. Пришлось сокращаться. Сеть высших учебных заведений была значительно сужена, положение их усилено. В настоящее время положение ученых в России может быть признано удовлетворительным.

Улучшено было также положение студентов рабфаков ценой уменьшения их количества до 30 тысяч. Сокращен прием студентства, но зато проведен более строго в классовом отношении. Количество курсов для рабочих сократилось быть может, слишком значительно, но зато постепенно вырастает сеть школ фабрично-заводского ученичества, которая, как мы надеемся, скоро обнимет всех подростков, работающих на фабриках и заводах.

Надо особенно отметить при этом существование огромной сети парт-школ, губернских и уездных, дающих, так сказать, среднее коммунистическое образование, и наличность четырех больших партийных университетов: имени Свердлова в Москве, имени Зиновьева в Петрограде. Народов Востока и Народов Запада.

Прибавим к этому, что в области социально экономического образования, где наука, нами унаследованная, представляет собою в значительнейшей мере буржуазный фальсификат, где научное преподавание, часто при добросовестнейшем отношении ученых, превращается в фактическую контр-революционную пропаганду, — Советская власть не только старалась противопоставить этим ученым возможно большее количество марксистов-теоретиков, но и основала Институт Красной Профессуры, первый же выпуск которого в значительной степени улучшит эту сторону дела.

Суммируя все сказанное об этой области борьбы пролетариата за власть о подготовке новой, связанной неразрывно с пролетарским сознанием и из него вышедшей интеллигенции, мы можем сказать, что здесь дело обстоит сравнительно благополучно, что дело нашего фронта в конце концов прогрессирует и достигнуты довольно заметные результаты.

Дело обстоит хуже с массовой полит просветительной работой, в которую мы включили и чисто просветительную работу, т. - е. ликвидацию неграмотности. Объявив

поход против неграмотности и рьяно взявшись за него, соответственные органы Советской власти сумели покончить с неграмотностью в армии и превратить в грамотных более двух с половиной миллионов людей. У нас были надежды усилить темп этой работы и совершенно покончить с неграмотностью в пятнадцать, двадцать лет. Но темп этот, наоборот, пришлось до крайности замедлить за отсутствием средств. Также точно огромная сеть избителен является в настоящее время заброшенной позицией и от них осталось немного. Впрочем библиотечное дело, вообще очень выросшее за время революции, пока остается на достигнутой высоте и, может быть, и будет урегулировано. Тем не менее, нужны героические усилия, чтобы почерпнуть в государственном и местном бюджете достаточные средства для поддержания до лучших дней ослабшего фронта массовой просветительной работы.

Дело, конечно, не в отсутствии энтузиазма, даже не в отсутствии людей. Первый год работы по ликвидации неграмотности показал, что, при наличии средств, план был бы безусловно выполнен. Только нищета не позволяет здесь развернуть титаническую работу.

То же еще в большей мере относится к школам. В первое время Советская власть не только декларативно наметила высокое дело единой трудовой школы, систему образования безусловно самую высокую по типу когда-либо выдвигавшемуся педагогической мыслью, но и приступила к практическому осуществлению этой задачи, покрыв страну огромным количеством учительских курсов для подготовки учительского персонала и постоянно умножая сеть элементарных школ, а отчасти и школ второй ступени сверх той, которую мы унаследовали.

Надо принять во внимание, что этот энтузиастический порыв к расширению и улучшению школы совпадал с самыми тяжелыми годами войны. Казалось бы, при окончании войны надо было рассчитывать на новые импульсы в этой области, но на самом деле война сделала нас жертвами самого тяжелого продовольственного, промышленного и финансового кризиса. Республика как бы смогла оглянуться после выдержанной ею героической борьбы и нашла дом, который она защищала, в состоянии развалины.

И в этом году, когда столько партийных людей и учреждений высказывались за то, что задача борьбы с

идеологией бужуазии, обнаглевшей под влиянием новой экономической политики, является самой очередной, культурные работники-коммунисты должны были выслушать от высших представителей правительства печальную весть, что промышленный кризис в области тяжелой индустрии и в области транспорта поглотит, вероятно, все наличные средства государства и что придется продолжать, при условиях неналаженности налоговой системы и неясности местных средств, явно рискованный эксперимент передачи школ, всех элементарных школ на ресурсы местного бюджета.

Положение учителей, состояние детей в детских домах,—все это остается крайне неудовлетворительным, а между тем голод толкнул в объятия государства более 600 тысяч детей, лишенных поддержки семейств. Но и здесь надо сказать, что дело сводится не к каким-либо ошибкам, которые иные разыскивают, не к какому либо кризису, лежащему в самих людях. Конечно, и здесь, как и в области индустрии, агрикультуры, общей политики, новая народная власть учится и ошибки совершает. Опыт приобретает только постепенно.

Однако, все отдельные факты, перед которыми мы стоим, тип отдельных показательных школ и детских колоний, выработка чрезвычайно гибких и полных нового духа программ, создание при невероятно тяжелых условиях значительного количества новых, отвечающих требованиям нашей школы учебников и т. д. показывает ясно, что при увеличении чисто материальных ресурсов дело просвещения в России сразу пойдет вперед семи-милевыми шагами.

Несмотря на такое тяжелое положение просветительного хлеба насущного, республика рабочих не проявила ни малейшего вандализма к высшим формам науки и искусства. В память о трогательной охране Лувра парижскими рабочими предшествовавшей нам коммуны, как о символе глубокой культурности пролетариата, мы удерживаем в общем в совершенно удовлетворительном состоянии гигантские художественные сокровища, накопленные царями, бaramи и монастырями. Если же музеи часто страдают от долгого отсутствия ремонта и т. п., то в общем и целом эти дворцы царей, представляющие из себя неисчерпаемый источник изучения истории быта и

искусства, сохранились в состоянии, которое приводит в изумление посещающих их иностранцев. Революционные бури со всеми их эксцессами, с постоянно возрождающейся стихией вандализма, можно сказать, не коснулись, благодаря стараниям Советской власти, самых главных сокровищниц страны. Равным образом, научные художественные институты, хранящие те или другие благородные, могущие быть ценными для пролетариата традиции, находятся в состоянии об'ективно удовлетворительном, а принимая во внимание ничтожность средств, на них отпускавшихся, необычайно тяжелые условия страны—положительно изумительном.

Рядом с этим государство шло навстречу новаторству в области искусства, поддерживая посильно и наиболее удачные опыты формальных исканий, в то же время и опыты искусства революционного, проникнутого огнем нашей революции.

Вообще страна сумела в области науки не только сохранить свой научный аппарат, но и создать новые институты, могущие с честью занять место рядом с лучшими учеными аппаратами мира. Таковы Рентгенологический радиографический Институт в Петрограде, Оптический Институт в Петрограде, Горная Академия в Москве и т. д.

Резюмируя, я могу сказать. Главные усилия первых трех лет революции были направлены на оборону внутреннюю и внешнюю. Успехи в этой области громадны, они граничат с настоящим чудом. Страна отвоевала себя, она существует, она переходит к новым задачам.

Советская дипломатия старается закрепить выгоды военных успехов, и если совершенно конкретных плодов еще нет, то тем не менее в этой области мы уже настояли на фактическом признании первой рабочей республики великой державой и привлекли к себе симпатию всех честных людей.

В области аграрной и индустриальной экономики нам пришлось бороться с неслыханными трудностями. Пришлось победить смертельную стихию голода. Положение здесь далеко нельзя назвать благополучным. Все силы пока должны быть сосредоточены на борьбе в важнейших пунктах этого, как мы называем, второго фронта, фронта борьбы с разрухой. Но все доказывает нам, что подсказываемый ныне марксизмом путь концентрации вни-

мания на командующих высотах крупной промышленности, на овладении торговлей чрез кооперативы, взятый нами курс на сближение с крестьянством, что все это, в конце концов, приведет даже при отсутствии заграничных займов к медленному, быть может, но верному выздоровлению страны.

В области культуры хаотическое, но блестящее творчество первых годов сменилось углубленной, можно сказать, почти угрюмой работой в атмосфере крайней нищеты ресурсами. Но при глубоком и доказанном примерами сознании, что как только первые реальные победы на втором фронте дадут возможность перебросить моральные и материальные силы на третий,—здесь будут одержаны такие же чудесные победы, как и на первом фронте—фронте обороны республики оружием.

Отирая пот со лба, оглядывается рабочая Россия на эти безумно трудные и неслыханно славные годы. Сурово, сознавая все предстоящие трудности, оглядывается она на будущее. Но в этом взгляде ее нет страха. В нем нет неумной самоуверенности, ибо она сознает предстоящие трудности. Но в нем, в этом взгляде, обращенном в будущее, в день празднования пятилетия своих побед, достаточно силы и веры в себя, чтобы мир с уважением и доверием смотрел на это лицо пролетария, борца и творца.

ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА

„КРАСНАЯ НОВЬ“

По исторической серии

В ы п у щ е н ы и з п е ч а т и :

Алексеев-Небутев.—Из воспоминаний лев. с.-р. (подпольная работа на Украине).

За пять лет. 1917—1922.—Сборник Ц. К. Р. К. П.

Луначарский, А.—За пять лет.

Майский.—Внешняя политика Р.С.Ф.С.Р. 1917—1922.

Октябрь на Пресне.—Воспоминания.

Октябрьские дни в Сокольниках.—Воспоминания.

Соловейчик.—Басмачество в Бухаре.

Яковлев.—Об историческом смысле русской революции.

Эволюция классов в русской революции.—Сборник статей Осинского, Ларина, Хрущевой.

Г о т о в я т с я к п е ч а т и :

Викторов.—Буржуазия в 1905 году.

„ —Лена.

„ —Феодализм в древн. Руси.

„ —Идеолог самодержавия Иван Пересветов.

Кривцов С.—Революция 48 года.

„ —Литературные отражения революции 48 года

„ —Указатель литер. по истор. 48 года.

Мстиславский.—Народовольцы.

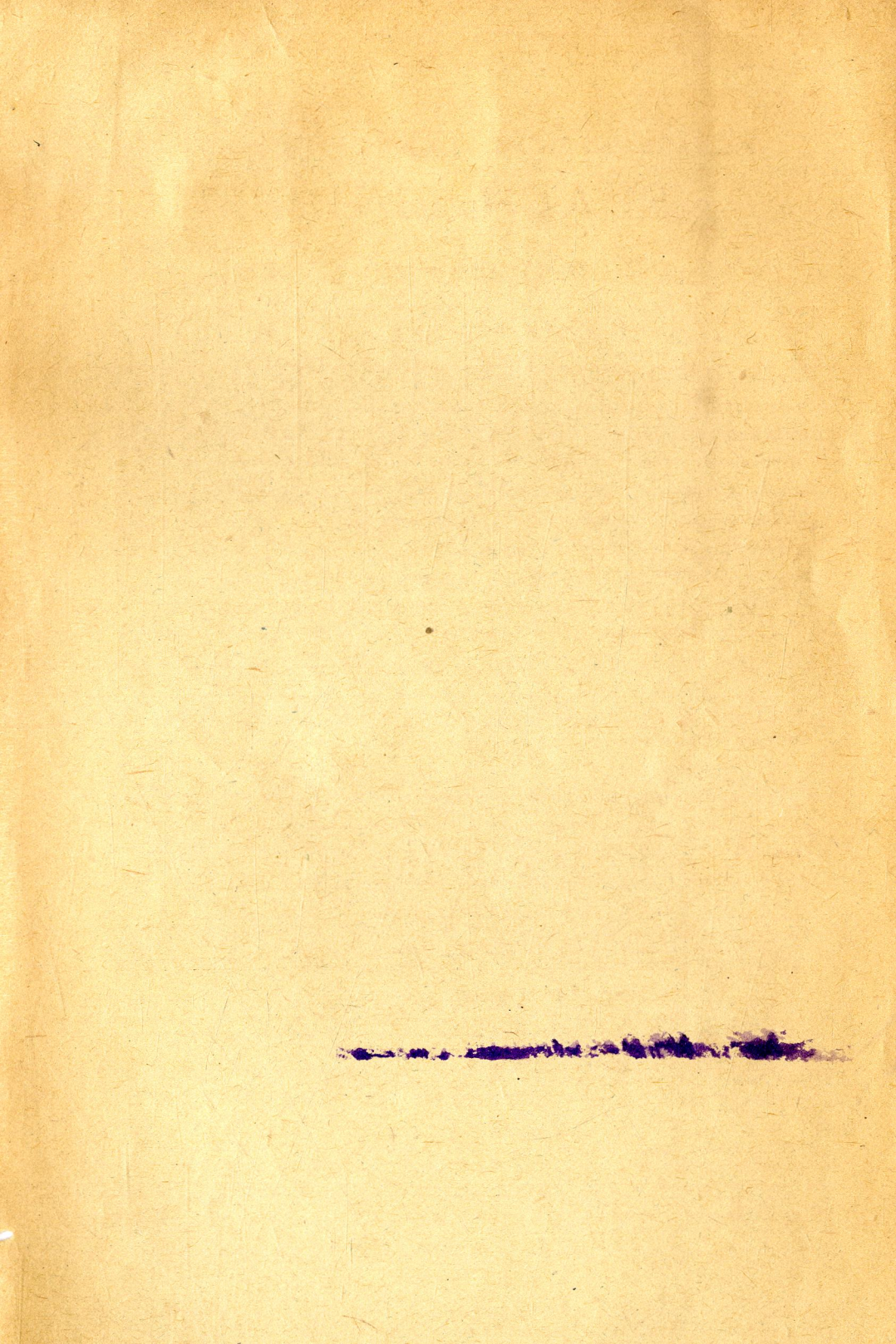
Пионтовский.—Девятое января.

„ —Февральские дни 1917 года.

„ —Октябрьская революция.

Шестаков.—Крестьянство и крестьянские движения.

502

3724
0,69 (1986)

06-20
5-11

357977A

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. «Красная Новь» при Главполитпросвете

Торговый Сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. № 22 кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“,
Театральная площ., 2-й дом Советов, и во всех книжных
магазинах г. Москвы.

